
Комната,
которой нет
Роман Кубов

Роман Кубов

Комната, которой нет

«Литнет»
2026

Кубов Р.

Комната, которой нет / Р. Кубов — «Литнет», 2026

Ася Гурьева три года разбирает чужие квартиры: упаковывает, вывозит, решает за людей, что поедет в новую жизнь, а что останется. Правило у неё одно — три коробки на память. На Пятой линии, в доме 1913 года, она получает обычный заказ: вывезти квартиру к сделке.Хозяин, столяр Никита Вершинин, просит не трогать одну комнату, и комната в документах не числится: девять метров сорок за фальшстеной, заложенной в 1998 году.
За стеной — роспись во всю стену, «Сад на Петроградской». У покупателя сроки и деньги, у мастерской долг в один миллион девятьсот, у Аси — фургон в кредит и репутация человека, который не задаёт лишних вопросов.Один звонок, одна смета, одно имя в договоре — и сад остаётся. Или не остаётся.
Современный любовный роман с тайной о работе, сроке и о том, что дом держится на людях, которые не уехали.

© Кубов Р., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Фургон 5
Глава 2. Восемьдесят три с половиной 8
Глава 3. Перечень 11
Глава 4. Мастерская 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Глава 1. Фургон

Фургон не завёлся с третьего раза, и это было плохой приметой ровно настолько, насколько вообще бывают приметы у людей, которые каждый день считают деньги.

— Ну давай, — сказала Ася, поворачивая ключ. — Давай, милый. Ты же в порядке. Ты в полном порядке.

На четвёртый раз двигатель взял, кабина вздрогнула и загудела так, как гудят все старые дизели в мире: с достоинством и с обидой.

— Восемь лет машине, — сказал Тимур с пассажирского, пристёгиваясь. — А ты с ней как с живой.

— Она и есть живая. Она моя.

— Она кредитная.

— Она кредитная, но моя. Это разное.

Тимур засмеялся и включил радио, где с утра пораньше спорили про погоду. Погода в Петербурге в конце апреля была ровно та, за которую город любят и ненавидят одновременно: девять градусов, ветер с залива, солнце в луже и через минуту уже нет.

В телефоне пикнуло сообщение.

«Ася, доброе утро! Объект на месте, хозяин будет в десять, ключи у консьержа. Только он просил — сразу предупреждаю — одна комната закрыта. Совсем. Не трогать. Даша».

Ася прочитала дважды.

— Что там? — спросил Тимур.

— Риелтор пишет. Одна комната закрыта, не трогать.

— Как это закрыта?

— Вот так. Какая-то комната, которую нельзя трогать.

— А остальное?

— Остальное можно.

Тимур хмыкнул.

— Ты знаешь, сколько раз мне говорили «не трогать»? — сказал он. — Один раз в жизни. На Невском, помнишь, квартира с роялем. «Рояль не трогать, рояль не продаётся».

— И что было?

— А было то, что рояль стоял поперёк, и мы два часа носили коробки вокруг него, как вокруг памятника. Хозяйка потом сказала, что мы её спасли от глупости. Через месяц она его продала.

Ася не ответила. Она смотрела на дорогу, на Пятую линию, которая начиналась сразу за поворотом: серый дом, серый дом, дом с эркером, дом с лепниной, ещё дом.

Дом номер двадцать четыре был светлый, в четыре этажа, с аркой во двор и с той характерной петербургской усталостью, которая не разрушение, а именно усталость: отколотый угол наличника, чугунная решётка, покрашенная три раза разной краской, ступени, стёртые посередине до блеска.

Ася остановила фургон у бордюра и выключила двигатель. Мотор ещё секунду работал сам, потом вздохнул и замолчал.

— Приехали, — сказала она.

Дело «Тихий переезд» началось три года назад с одного разговора в машине, в которой Ася тогда не была водителем.

Она восемь лет отработала в логистике — сначала кладовщиком, потом специалистом, потом начальником отдела, где под ней было двадцать два человека, сорок машин и одна очень большая ответственность за чужие сроки. В двадцать шесть она поняла, что знает про людей в

компании всё: кто когда врёт в отчётах, кто у кого перенимает привычки, кто не вернётся после отпуска. И что при этом ни один из этих людей не знает про неё ни одной настоящей вещи.

Потом её дед переехал к сестре в Выборг, — насовсем, — и его квартиру пришлось разбирать целиком. Ася в тот год впервые в жизни разбирала квартиру не как менеджер, а как человек: с коробками, с мусорным контейнером во дворе, с фотоальбомом, который она держала на руках полчаса и не могла открыть.

Фотоальбом она оставила. Хрусталь — выбросила, потому что хрусталь не был ничьим. Мятый квиток из кино 1987 года — оставила, потому что он был чей-то.

И тогда она поняла, что вот это и есть работа, которую в городе никто не делает как следует: не «грузчики с газелью», а человек, который приходит и решает за тебя, что ты увезёшь в новую жизнь, а что нет, и делает это так, чтобы тебе не было больно.

На третий год в «Тихом переезде» было три человека, включая Асю, свой склад на Обводном канале, четырёхлетняя репутация и фургон в кредит.

Правило у Аси было одно, и она называла его вслух всегда, на первом же разговоре, чтобы потом не спорить:

— Три коробки, — говорила она. — Всё, что дороже трёх коробок, — это уже не память, это переезд склада. Я не против, я за деньги, но сначала мы честно определим, что мы делаем: переезд или хранение жизни.

На первом разговоре с этим хозяином договориться не получилось.

В десять он приехал на старом «Кангу» с логотипом мастерской: «Вершинин и дерево». Вышел быстро, не здороваясь, посмотрел на фургон, потом на Асю, потом на Тимура с Гришей, и сказал:

— Второй этаж, но лифта нет. Лестница узкая, поворот на площадке. Пианино не пройдёт.

— Пианино у вас есть?

— Уже нет. Продано. Я говорю к тому, что вы должны знать габариты до того, как начнёте, а не после.

Тимур сзади тихо сказал: «О, наш человек», — и Ася, не оборачиваясь, показала ему кулак.

— Никита Вершинин, — сказал он и подал руку. Рука была сухая, твёрдая, с двумя свежими царапинами на пальцах.

— Ася Гурьева. Это Тимур, бригадир, и Гриша. Мы приехали не грузить, мы приехали разбирать. Грузить будем в среду, если вы к среде решите, что именно.

— Я уже решил.

— Вы решили в общем. Мы решаем в частном. Это всегда дольше, чем кажется.

Он посмотрел на неё внимательно, без всякого дружелюбия, но и без неприязни — так смотрят люди, которые проверяют, насколько человек понимает, во что вписывается.

— Достаточно, — сказал он. — Пойдёмте.

Квартира была красивая той красотой, которую сначала не видно, потому что её заслоняет чужой ремонт. Обои в мелкий цветочек 2004 года, подвесной потолок, пластиковые окна, линолеум, кухня с оранжевыми фасадами. И всё это было надето на дом 1913 года, который держался на своём: на трёхметровых потолках, на лепнине в простенках, на широких подоконниках, на дубовых дверях с фурнитурой, которую в последний раз меняли при прежних хозяевах.

В прихожей пахло пылью, старым паркетом и чуть-чуть — чем-то масляным.

— Квартира ваша?

— Бабушкина, — сказал он. — Три года назад оформили на меня, потому что она уехала к дочери в Геленджик и там осталась. Продаём.

— А бабушка знает?

— Бабушка знает. Бабушка сказала: «Продавай, только стену в маленькой комнате не сноси».

Ася приостановилась.

— Какую стену?

— Вот эту комнату, — сказал он и открыл дверь направо.

За дверью оказалась не комната, а стена. То есть помещение было: четыре шага в ширину, полтора шага в глубину, и в глубине — ровный гипсокартон, крашенный белой краской, с полосой стыка, заклеенной обоями.

— Тут страшный слой, — сказал Никита без выражения. — Хлам, наш, бабушкин, залитый полом. Двадцать лет. Я не хочу, чтобы клинеры из этого устроили разговор о прошлом.

— А я не клинер, — сказала Ася.

— Тем лучше.

— Что за вот эта перегородка? — она тронула гипсокартон костяшками. — Это же не дом. Это изнутри кто-то приладил.

— Так и есть. Приладили в девяносто восьмом.

— Зачем?

— Затем, что так решили, — сказал Никита.

И вот тут Ася впервые почувствовала, что вот это — интересное.

— Ладно, — сказала она. — Не трогаем. Только скажите мне габариты квартиры по этой части.

— По документам семьдесят четыре.

— А по факту?

— По факту чуть больше.

Глава 2. Восемьдесят три с половиной

Ася вынула из кармана рулетку.

Она мерила всегда сама, даже когда в перечне была точная цифра. Особенно когда в перечне была точная цифра. Это Тимур называл «аськиной болезнью», а Ася называла это «не платить дважды за чужую опечатку».

Она прошла по квартире, замеряя: большая комната, средняя, кухня, ванная, коридор. Потом сложила в голове, и получилось, что стены сходятся не туда.

— Никита, — сказала она.

— М.

— У меня выходит восемьдесят три. Плюс-минус полметра.

— Я знаю.

— И?

— И я вам уже сказал, — он сказал это очень спокойно. — Это не ваша часть. Ваша часть — вынести коробки.

— Нет, — сказала Ася. — Моя часть — сказать вам сейчас, что у вас тут не сходится, чтобы потом не оказалось, что это я вынесла что-то, чего не должна была.

Они стояли друг напротив друга в прихожей, и за окном на Пятой линии гремела машина, а в квартире было слышно, как в старой электропроводке что-то тихо щёлкает.

— Восемьдесят три с половиной, — сказал вдруг Никита. — Комната есть. За стеной.

— И что в комнате?

— Мастерская, — сказал он. — Была.

— Чья?

Он посмотрел на неё, и Ася в первый раз увидела, как человек уходит от ответа, не двигаясь с места: лицо осталось тем же, а глаза чуть потемнели.

— Моей матери, — сказал он. — Она уехала в девяносто восьмом. С тех пор мы туда не заходили.

— Совсем?

— Совсем.

— Двадцать лет?

— Ася, — сказал он, — вы привезли фургон и трёх человек. Не семью.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда давайте по делу.

Она достала планшет, прикинула объём, назвала цену: шестьдесят восемь тысяч за разбор, упаковку, вывоз того, что выбрасывается, и аренду двух контейнеров, плюс двенадцать сотен за час сверх сметы. Никита кивнул сразу, без торга. Кто говорит «да» на первую цену — либо очень богат, либо очень торопится, и Ася как раз обдумывала, что из двух, когда он сказал:

— К пятнадцатому мая всё должно быть вывезено. Двенадцатого — последняя машина.

— Пятнадцатого у вас что?

— Пятнадцатого сделка. Покупатель — Реутов. Он покупает дом, а не квартиру, и у него свои сроки. Одна машина, второй этаж, всё остальное — его.

— Что «его»?

— Его ремонт, — сказал Никита. — Он всё выносит до бетона.

Ася подумала про стену.

Обычно на таком разговоре вещи делают с людьми что-то, чего сами люди не замечают: они ещё говорят о сроках и ценах, а в голове у них уже стоит картинка, которую никто не заказывал. У Аси картинка была простая: рабочие в респираторах, кирпич, вынос, гипсокартон

летит вниз с третьего этажа в контейнер, и всё, что за этой стеной, умирает, не успев ничего сказать.

Она не стала ничего говорить. У неё был опыт, что люди, у которых болит, реагируют на чужую доброту хуже, чем на чужую иронию.

— Ладно, — сказала она. — Тогда рабочий график будет такой: завтра разбираем большую комнату, послезавтра кухню, в среду вывоз. Вы в квартире будете?

— Я буду во дворе, — сказал Никита. — И в мастерской. Ключи у консьержа. Звоните, если что-то серьёзное.

— А что для вас «серьёзное»?

— Стена падает, — сказал он. — Или соседи снизу с лепниной.

Он вышел.

Гриша, который всё это время стоял у окна и делал вид, что изучает решётку на доме напротив, сказал:

— Я его знаю.

— Откуда?

— Он делал двери в театре на Моховой, когда я там работал. Вернее, его мастерская делала. Он приезжал, смотрел, ставил струбцины и уезжал. И знаешь, что все говорили?

— Что?

— Что он никогда не ошибается. Ни в миллиметре, ни в сроке, ни в цене. Просто есть человек, который всегда прав, и это, знаешь, так же тяжело, как человек, который всегда неправ.

Ася прошла в угол и снова приложила пальцы к гипсокартону.

Она сделала это, чтобы проверить, пусто за ним или нет. За ним была тишина, глухая, как в шкафу.

— Начали, — сказала она. — Гриша, мешки. Тимур, коробки. Через час чтобы от этой комнаты остался пол.

Работа всегда начиналась одинаково: сначала в квартире становится хуже, чем было, и только потом — лучше.

В два часа дня Ася вышла во двор позвонить — насчёт контейнеров — и во дворе встретила женщину в синем дождевике с сумкой на колёсиках.

— Вы, наверное, к Вершинину? — спросила женщина. — Я Зоя, тётя. Через дом живу. Видела фургон.

— Ася.

— Да, я знаю, мне Даша говорила, — Зоя Павловна кивнула, потом посмотрела на неё внимательно. — Скажите. Он вам про комнату уже сказал?

— Сказал.

— И что?

— Сказал, что не трогать.

Зоя Павловна не улыбнулась. Она смотрела куда-то в арку и молчала, и Ася вдруг поняла, что эта женщина сейчас решает, что именно сказать чужому человеку, и что решает она это уже не первый год.

— Вот и хорошо, что не трогать, — сказала наконец она. — Значит, мама у нас будет жить с вами.

— В смысле?

— В прямом. Я двадцать лет верила, что он однажды сам. Я перестала. Ну, — она поправила сумку, — вы бы не обижались. Я вам вот что скажу: если вы просто вынесете коробки и уедете, вы сделаете честно. Я вам даже благодарна буду. А если вы начнёте с ним говорить — то вы либо станете ему человеком, либо станете ему врагом, и третьего тут нет.

— Спасибо, — сказала Ася, немного растерявшись.

— За что?

— За то, что не стали рассказывать.

Зоя Павловна посмотрела на неё с одобрением.

— А вы, я смотрю, не из тех, — сказала она. — Не из тех, у кого слюни на слове «тайна».

— Из тех, у кого слюни на слове «смета».

Старуха засмеялась, коротко, и ушла в арку, и дождевик её шелестел по асфальту, как страницы.

К вечеру квартира была разобрана в трёх комнатах из пяти.

Гриша упаковал сервиз в пять слоёв пузырчатой плёнки и подписал коробку «Сервиз, 24 предмета, чашки кверху». Тимур снёс на помойку три ковра, два телевизора, соковыжималку и картонную коробку с дверными ручками, которые в этом доме когда-то были своими.

Ася стояла в маленькой комнате, у вот этой стены, и держала в руках рулетку, и занималась делом, которого не любила: вычитала одно из другого.

Восемьдесят три с половиной. Минус комната, в которую они не заходили ни разу, за весь день. Минус толщина стены.

Девять метров сорок. Это была комната, которая по документам не существовала, а по объёму воздуха — существовала очень даже, потому что когда Ася прикладывала к гипсокартону ладонь, там было тепло, и это тепло в пустой квартире было не от батареи.

— Ася, — сказал Тимур от двери. — Мы закругляемся.

— Идите, я догоню.

— Ты чего?

— Ничего. Считаю.

Он постоял.

— Ты не считается, — сказал он. — Ты думаешь.

— Это одно и то же, только у меня вслух.

Ася обошла комнату.

В углу, за отставленным диваном, обои были не такие, как везде: старые, в мелкий синий цветочек, ровно по той границе, где начиналась вставка гипсокартона. Она присела и увидела то, что обычно и бывает в таких местах: гвоздь, вбитый в плинтус, и на нём — след от верёвки.

Кто-то двадцать лет назад заложил комнату снаружи и смотал за собой верёвку от занавеса.

Ася постояла, слушая тишину.

Потом достала телефон и набрала Дашу.

— Даш.

— М, — сказала Даша, и на фоне у неё работал телевизор.

— Ты знаешь, что за комната в квартире на Пятой?

— Какой комнатой?

— Той, которую не трогать.

Даша помолчала ровно столько, сколько нужно было, чтобы решить, врать или нет.

— Ась, — сказала она наконец, — квартира продаётся как есть, по документам. Это лучшая сделка за год. Не надо туда.

— Я не про сделку.

— Вот и правильно.

— Даш.

— Всё, я сплю, — сказала Даша и отключилась.

Ася убрала телефон, выключила свет в маленькой комнате и стояла в темноте.

И что хуже всего — она уже понимала, что не выйдет из этой квартиры просто так.

Глава 3. Перечень

Во вторник Ася приехала к восьми, потому что к девяти во двор должен был встать контейнер, а контейнеры в этом городе приезжают тогда, когда хотят.

Она поднялась на второй этаж, отперла дверь и минуту постояла в прихожей, слушая.

Так она делала всегда на второй день: постоять и послушать. Скрипит паркет в одном месте, щёлкает проводка, троллейбус на Пятой трогается с остановки, и стёкла отвечают ему дребезгом.

— Здравствуй, — сказала Ася квартире.

Квартира не ответила. За заложенной стеной тихо и ровно гудело, как гудит старый холодильник, которого не выключали двадцать лет.

Ася подошла, приложила ладонь. Гудел стояк отопления — просто он проходил как раз там. Она выдохнула и пошла работать.

К одиннадцати приехали Тимур и Гриша, и квартира кончилась: стало не слышно ничего, кроме шёпота на повороте лестницы и того, как Гриша разговаривает с чашками, как с актёрами перед выходом на сцену.

— Так, мои хорошие, — говорил он чашкам. — Вы у нас фарфор, вы у нас не бьётесь, вы у нас едете стоя.

— Гриша, ты их плёнкой обмотал?

— В семь слоёв.

— Тогда они не бьются в любом положении.

— Начальница, в семь слоёв они не бьются, но ехать должны с уважением.

В полдень приехала Даша.

Ася стояла на кухне, разбирая верхний шкаф, из которого на неё свалился пакет гречки и рассыпался по полу торжественно, как салют.

— Ты выглядишь как человек, который нашёл смысл жизни, — сказала Даша от двери.

— Я нашла крупу. Двадцать лет просрочки.

— Это к лучшему, — Даша положила на подоконник папку. — Принесла документы, чтобы ты понимала объём и не задавала лишних вопросов.

— Это ты сейчас так пошутила?

— Это я предупредила.

Ася вытерла руки и открыла папку.

— Даша.

— М.

— Тут нет комнаты.

— Какой комнаты?

— Той. За которой гипсокартон.

— Асик, — сказала она. — Ты держишь в руках документ. В документе — семьдесят четыре. В квартире — семьдесят четыре с половиной по факту, потому что замеры тогда делали по другой методике. Всё.

— А девять метров за стеной?

— Это не девять метров, это ниша, — сказала Даша. — Была ниша, стал шкаф. Половина Петроградской стороны так живёт.

— Там комната. Я мерила.

— И что ты хочешь? Чтобы я вписала в договор комнату, которой нет в перечне? Чтобы у покупателя на сделке встал вопрос и он ушёл на месяц?

— Нет. Я хочу, чтобы ты мне сказала, что в этой комнате.

Даша села на подоконник.

— Это его квартира, — сказала она. — Его право.

— Это его право, — согласилась Ася. — Только пятнадцатого числа по этой комнате пройдёт бригада с отбойными молотками, и никто в этом городе не узнает, что там было.

Даша посмотрела на неё внимательно.

— Ты сейчас о чём?

— О том, что я вынесу коробки и уеду, — сказала Ася. — Но я не могу сделать вид, что не заметила.

— Твоя работа — вынести коробки, — сказала Даша. — И не вмешиваться.

— Нет, — сказала Ася. — Профессионализм — это заметить и сказать клиенту один раз, по делу. А когда замечаешь и молчишь — это называется «Ася решила, что клиент не справится».

Даша вздохнула.

— Ладно. Только скажи ему сегодня, — она собрала папку. — Пока у него есть четыре дня, чтобы передумать.

— Спасибо.

— Не благодари. Я не хочу, чтобы сделка года слетела из-за женской чуткости.

В два часа позвонил Реутов — незнакомый номер, с которого звонят только по делу.

— Анастасия? — голос низкий, ровный, из тех, которыми говорят люди, привыкшие, что им отвечают сразу. — Кирилл Реутов, покупаю квартиру на Пятой. Вы у меня там разбираете?

— Разбираю.

— Отлично. Мне нужно освободить объект не двенадцатого, а восьмого.

— Это через шесть дней. Квартиру, в которой тридцать лет жил человек.

— Вывезите всё, что можно, остальное оставьте мне перечнем, — сказал Реутов. — Своих людей я пришлю. Доплачу.

— Сколько?

— Десять процентов сверху и рекомендацию. Я строю четыре дома в год, у меня всегда есть объекты, которые надо готовить.

— Кирилл, — сказала Ася. — Я не успею за шесть дней. Не потому, что я медленная. Потому что в квартире есть угол, в котором я не была, и пока я не знаю, что там, я не могу назвать вам срок.

— Что за угол?

— Комната, заложенная гипсокартоном. В перечне её нет. Хозяин просит не трогать.

— Хозяин просит, — повторил Реутов. — Анастасия, я покупаю не хозяина. Я покупаю объём. Мне всё равно, что там — библиотека, молельня или склад банок. Восьмого числа я подписываю акт, девятого заходит техника.

— А если там что-то, что нельзя сносить?

— Например?

— Например, роспись, — сказала Ася. — Или печь. Или что-то, что делали до революции.

Реутов засмеялся — коротко, без злобы.

— Анастасия, — сказал он, — я двадцать лет в этом деле. В девяноста квартирах из ста за обоями газеты. В девяти — кирпич. И в одной — роспись, и тогда я звоню не вам, а людям, которые на этом зарабатывают.

— Тогда я вам позвоню, если это будет та самая одна.

— Позвоните, — сказал он. — И ещё: мне нравится, что вы не сказали «да». Все остальные говорят.

Никита приехал в семь.

Он не позвонил, не предупредил, просто открыл дверь своим ключом и вошёл, и Ася, которая как раз сидела на полу и заклеивала коробку, подняла голову и увидела его в дверном проёме — в куртке, с пылью на рукаве, с тем самым лицом человека, который пришёл не разговаривать, а проверить.

— Я на минуту, — сказал он. — Хотел посмотреть, как идёт.

— Идёт хорошо. Кухня готова, большая комната готова, средняя завтра.

— Книги, — сказал он, остановившись у трёх коробок. — Вы их куда?

— Книги я не выбрасываю, — сказала Ася. — У меня правило: книги, документы и фотографии я не выношу. Их разбирает хозяин. Если хозяин отказывается — они едут на склад и стоят там, пока не решим.

— Сколько стоит склад?

— Восемьсот рублей в месяц за куб.

— Забирайте на склад, — сказал он. — Всё, что книги.

— Хорошо.

Он дошёл до маленькой комнаты, остановился на пороге, но не вошёл.

— Тут ничего не трогали?

— Ничего. Даже пыль.

— Спасибо.

И вот тут Ася положила пистолет с клеем и сказала то, что собиралась сказать:

— Никита, я должна вам кое-что сообщить. Как человек, который отвечает за объём.

Он повернулся.

— Девять метров сорок, — сказала она. — За этой стеной. По документам их нет. Пятнадцатого числа Реутов подписывает акт, а девятого заходит техника и сносит всё до бетона.

— Я знаю.

— Вы знаете, — сказала она. — И вы хотите, чтобы я тоже знала и при этом молчала.

— Я хочу, чтобы вы вынесли коробки.

— А я хочу, — сказала Ася, — чтобы через год, когда я буду мыть чужую квартиру после ремонта, я не думала про эту стену. Понимаете? Я не могу вам помочь. У меня нет такого права. Но я могу вам дать четыре дня.

Никита молчал.

Он стоял в проёме маленькой комнаты. В стене остывала труба, на улице кто-то долго ставил машину на ручник.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Четыре дня.

— Это не ответ.

— Это больше, чем вы думаете, — сказал он. — Я двадцать лет не отвечал на этот вопрос вообще.

Он ушёл.

Ася посидела ещё минуту, потом встала и пошла на кухню за мешком — и в нижнем шкафу, в самом углу, за банкой с крупой, нащупала что-то завёрнутое в тряпку.

Она вынула. Тряпка была старая, льняная, в бурых пятнах. Внутри лежали кисти: восемь штук, перевязанные шпагатом, все кончики аккуратно обёрнуты бумагой, и на бумаге — карандашом, мелко, рукой человека, который писал быстро и точно: «не трогать до среды», «промыть», «вторая, лиса».

Ася положила кисти обратно, завернула тряпку, поставила на место и закрыла шкаф.

Потом записала в заметки: «Спросить про кисти. Не сейчас. Когда он сможет».

Глава 4. Мастерская

На Заставской было ветрено, и Ася дважды проехала мимо, потому что навигатор считал, что въезд есть, а въезда не было: только ворота с домофоном и надпись от руки на жестя

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.